

*Посвящается Эрни,
которому всегда удается вызвать
у меня улыбку*

«...воспринимать детей не как некую неопределенную массу, а как часть человеческого общества, состоящую из отдельных индивидуумов, обладающих как общими, так и совершенно индивидуальными потребностями».

Закон о детях, 1948 г.

Совет графства Саффолк
1 сентября 1948 г.

Дорогая мисс Ньютон,
рады сообщить, что по итогам сегодняшнего собеседования с Вами было принято решение предоставить Вам место заведующей детским домом «Шиллинг Грейндж» в Лавенхэме с первоначальной заработной платой 12 фунтов 6 шиллингов в неделю.

Работать Вы будете каждый день, лишь в воскресенье Вам полагается восемь свободных часов — с 10 утра до 6 вечера — но исключительно при наличии достойной подмены. А также раз в год, в августе, когда дети уезжают на двухнедельные каникулы, Вы имеете право взять отпуск (оплаченный).

Будьте добры купить на свои средства билет из Лондона (в один конец); стоимость билета будет Вам возмещена. Будем очень рады, если вы сможете приступить к своим обязанностям уже с утра в четверг, 9 сентября 1948 г.

Надеемся, что Ваше сотрудничество с нами будет долгим и успешным.

Искренне Ваш,

П. П. Соммерсби

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сентябрь 1948

Саффолк

Клара Ньютон дернула за шнурок колокольчика, и секунд через двадцать дверь слегка приоткрылась. В щель выглянула монахиня. Клара знала, что до последнего времени детским домом «Шиллинг Грейндж» занимались именно монахини, однако она никак не ожидала, что там еще осталась хоть одна живая их представительница. И надеялась, что ее встретит та дама с добрыми глазами и гладко причесанными густыми волосами, что проводила с ней собеседование.

Впускать Клару в дом монахиня явно не собиралась. Она даже щеколду с петли не сняла, так и выглядывала в щель, и Кларе ее лицо показалось каким-то неестественно белым, словно напудренным. И на этом белом лице ее маленькие живые черные глаза выглядели, как камешки в снегу.

— Ну что, какая у нас беда стряслась? — спросила она.

— Что, простите?

— Расстегни-ка пальто. Дай-ка я посмотрю. Так, пожалуй, недель двенадцать, не больше.

Клара тут же пожалела, что в поезде слопала сэндвич с кресс-салатом, и смущенно пробормотала:

— Я сюда работать приехала. Я — новая заведующая детским домом.

Лязгнув щеколдой, монахиня со скрежетом отворила перед ней дверь, и Клара молча последовала за ней в просторную кухню, находившуюся в задней части дома.

— Меня зовут мисс Ньютон... Клара. К вашим услугам. Ответа не последовало.

СИРОТСКИЙ ДОМ

— А вас как мне следует называть?

— Сестра Юнис вполне сойдет.

— Разве из Совета вам не сообщили, что я приезжаю?

Сестра Юнис фыркнула.

— Я кого постарше ожидала!

Клара решила принять это как комплимент и спросила:

— А... а... а дети где?

— В школе.

Ну да, конечно, дети в школе.

— Когда они возвращаются?

— В начале первого, — буркнула сестра Юнис. — На ланч придут.

— А потом снова в школу вернуться?

— Куда ж еще?

Сейчас была только половина десятого. Утром в половине седьмого Клара на цыпочках вышла от Джуди, стараясь никого не разбудить, и села на поезд в 8.15; затем, добравшись до Челмсфорда, где нужно было сделать пересадку, полчаса прождала на платформе.

Сейчас ей казалось, что до полудня еще целая вечность.

— Да, понятно, спасибо. А может быть... я могла бы пока познакомиться с документами? Пока жду? Есть же, наверное, какие-то папки с делами воспитанников. Подобная предварительная работа всегда полезна.

Собственно, Клара обычно именно так овладевала ситуацией. Для этого у нее имелась своя система, благодаря которой она вполне успешно справлялась со своей работой в фирме «Харрис и сыновья». У нее все имело свое место: счета, статьи расхода, всякая всячина. В течение десяти лет она считалась «находкой компании», а потом вдруг ни с того ни с сего стала не нужна. Ее уволили. При всех ее благих целях и намерениях. Она, правда, получила крошечную компенсацию, но тем не менее была именно *уволена*. И теперь надеялась лишь, что великолепная мисс Барбер, занявшая ее место, чувствует себя крайне неловко на любимом вращающемся стуле Клары за обожаемой Кларой пишущей

машинкой. Впрочем, вряд ли это соответствовало действительности: к сожалению, она, Клара, доведя свою систему до совершенства, сделала ее полностью «защищенной от дураков», даже от такой полной дуры, как эта мисс Барбер.

Сестра Юнис, не отвечая, смотрела куда-то в пространство, и Клара осмелилась повторить:

— Я спросила, имеются ли у вас детские карты? Или еще какие-то материалы о состоянии приюта и о самих детях?

— Да ни в чем таком никогда и нужды-то не было. — Эти слова сестра Юнис произнесла, по-прежнему глядя в пространство. — Мы своих детей и так *знаем*.

— Ну, должны же быть *какие-то* документы, записи... Мне же нужно с чего-то начать.

— Начните со стирки белья.

* * *

В корзине для грязного белья оказалось четыре простыни, кое-какие мелкие вещички типа полотенец и одна мягкая игрушка. День был теплый, воздух звенел от множества насекомых, и казалось, что лето вовсе не торопится уступать свое место осени. А когда Клара принялась катать белье, ей даже стало жарко. Покончив со стиркой и вполне удовлетворившись достигнутым результатом, Клара вытащила корзину с бельем в сад. Сад был чудесный, со всех сторон защищенный раскидистыми деревьями, выстроившимися вдоль ограды, а в дальнем углу виднелся садовый сарай, похожий на сказочный домик. Во всяком случае, этот сад сильно отличался от детских игровых площадок Лондона, вечно усыпанных мусором и битым стеклом. Клара развесила простыни, прикрепила их прищепками и полюбовалась тем, как красиво они развеваются на ветру — словно чистые листы для еще не составленных отчетов.

Увидев объявление в газете «Ивнинг Стэндард» — «Занимайтесь тем, что вы, женщины, умеете делать лучше всех: заботьтесь о ближних», — Клара поняла, что это, пожалуй,

единственное место, куда она *могла бы* обратиться с просьбой о работе.

Она ведь не была ни бывшей военнослужащей, ни мастером по ремонту автомобилей, «обладающим также отличными навыками вождения», ни шеф-поваром, мастерство которого оценили бы в любом фешенебельном ресторане лондонского Мейфэр. Не искала она и новых увлекательных возможностей нажиться на многочисленных распродажах.

Однако она, безусловно, была женщиной «от двадцати до сорока» (ей было двадцать шесть), считала себя вполне ответственной и здравомыслящей (ну, почти всегда) и *действительно* искала некую «стимулирующую» работу в приятной местности, не требующую особых навыков и опыта.

Она никак не ожидала, что для начала ее пригласят на собеседование — но, получив приглашение, решила, что пойдет: пусть это собеседование послужит ей неким разогревом или хотя бы даст определенный опыт в дальнейших поисках *настоящей* работы. Она позаимствовала у Джуди выходные туфли и костюм, который та надевала исключительно в школу на родительские собрания, и отправилась на собеседование, совсем не волнуясь — возможно, потому, что на успех она не особенно и рассчитывала. Она бойко отвечала на вопросы комиссии, сидевшей за столом и состоявшей из двух мужчин и дамы с добрыми глазами и густыми, гладко причесанными волосами, и вообще держалась так, словно ей и терять-то нечего.

На самом деле она тогда сама себя удивила. Особенно ее поразило собственное красноречие. Нет, она, разумеется, ничего не придумывала, хотя, *возможно*, все же чуточку преувеличила и свои умения, и свои интересы. Нет, даже не преувеличила, а как бы поместила их под увеличительное стекло, и они стали выглядеть значительней и сложней, чем в реальной жизни. Ведь в реальности они были... ничего, в общем-то, не значащими. А под «увеличительным стеклом» годы, которые она в юности провела в школе-интернате, вполне могли показаться «отличной практикой для работы

в детском доме», а ее умение работать с отчетами и документами, столь успешно проявившееся в компании «Харрис и сыновья», было сочтено «весьма существенным» для налаживания работы данного детского учреждения; разумеется, уверяла она членов комиссии, «защита детей от дурного влияния всегда будет для нее на первом месте в списке самых важных вещей», и так далее, и тому подобное.

Хотя собеседование с Кларой и проводили члены Совета графства Саффолк, она как-то не особенно задумывалась о том, где конкретно может находиться ее возможное будущее место работы. Само собеседование проходило в Ислингтоне в тускло освещенном помещении над зеленой лавкой... но затем выяснилось, что работать ей придется не где-нибудь, а в Лавенхэме — и одного этого было вполне достаточно, чтобы она сказала «да».

Потом она неоднократно с трепетом перечитывала присланное ей «письмо с подтверждением» и даже заставила Джуди прочесть его вслух. Вообще-то Клара особой суеверностью не отличалась — она, например, запросто, даже, пожалуй, с неким шиком входила в дом, не закрыв предварительно зонт, или могла пройти совсем близко от приставной лестницы — хотя и не прямо под ней, — но в данном случае ее даже пугало слишком большое количество всяких счастливых совпадений.

Надо же, Лавенхэм! Нет, за эту работу она бы непременно схватилась.

* * *

Сестры Юнис нигде не было видно. В кастрюле варилась картошка, а на столе лежал кусок ветчины — вероятно, о ланче монахиня уже позаботилась. Возле раковины подсыхала вымытая посуда, в доме царили чистота и порядок, дети все еще находились в школе.

И Клара решила подняться в отведенную ей комнату. Она распаковала чемодан. Поколебавшись немного — сто-

ит ли выставлять на всеобщее обозрение любимые фотографии в рамочках? — она все же решила: а почему нет? В конце концов, теперь она здесь живет. А когда делаешь вид, будто все у тебя в порядке, то порядок в итоге как бы сам собой устанавливается и в душе, и вокруг.

На выцветшей фотографии номер один был Майкл во младенчестве. Он сидел в детской коляске с большими колесами, под подбородком у него болтались завязки шерстяной вязаной шапочки, и он показывает свою погремушку кому-то невидимому — наверное, фотографу. Эту фотографию в один из тех трех сладостных беззаботных месяцев прислала Кларе мать Майкла — после того, как Майкл общил ей, что они с Кларой намерены пожениться.

На фотографии номер два они с Майклом были запечатлены вместе в дансинге в Клэпхэме. Кажется, он назывался «Рокси»? (Господи, они же столько раз туда ходили!) Их сфотографировали в тот самый вечер, когда Майкл сделал ей предложение, и она, слегка задохнувшись после быстрого танца «линдси-хоп», сразу выпалила: «Да!», опасаясь, что он еще может и передумать. У нее-то никаких колебаний на сей счет не было. Она не просто хотела выйти за него, но и готова была вместе с ним уехать в Америку. Их совместное будущее расстиралось тогда перед ними подобно великому приключению. *Какой же счастливой я выгляжу на этом черно-белом снимке!* — думала Клара. Белая блузка прямо-таки светится. Даже цвет помады, кажется, разобрать можно. Такое ощущение, словно это вообще не она, а какая-то другая девушка.

Третья фотография была ее любимой: на ней Майкл в военной форме стоит, чуть прислонившись к самолету. И самолет такой огромный, что Майкл по сравнению с ним выглядит совсем маленьким, а ведь он был здоровенным широкоплечим парнем. Он сфотографирован в коричневой кожаной куртке на базе RAF¹ в Кокфилде — или, как то-

¹ Royal Air Force (англ.) — Королевские ВВС. (Здесь и далее — прим. перев.)

гда говорили, на базе RAF в Лавенхэме. Иногда Кларе было невыносимо больно смотреть на эту фотографию, но она понимала, что должна, *обязана* вынести все. Сегодня она смотрела на эту фотографию любовно. И знала, что Майкл гордился бы ею.

Затем Клара вытащила из сумки пачку бумаги, ручку, чернила и удобно все разложила на письменном столе. Довольно мечтаний. Она приехала в Сиротский дом «Шиллинг Грейндж», чтобы работать. Клара никогда от своих обязанностей не увиливала; уж это-то качество всегда было в ней неизменным, тут и «увеличительное стекло» не понадобилось бы. И она принялась писать свой первый отчет:

«Шиллинг Грейндж», 3, Лавенхэм,
Верхнее шоссе. 9 сентября 1948 г.
Дневник мисс Клары Ньютон,
новой заведующей.
Первоначальные наблюдения.

«Шиллинг Грейндж» — весьма живописное средневековое здание с мощными потолочными балками и каминами. Здание старое, и это сразу чувствуется: так и хочется узнать, что сказали бы эти стены, если бы могли говорить.

Перед домом на улице имеется огромный указатель вроде рекламного щита, который пропустить просто невозможно. «Грейндж» использовался как детский приют с начала 1900-х годов, и всем в нем заправляли монахини, но в этом году почти все они покинули приют. Впрочем, сестра Юнис осталась, и она, похоже, отлично знает, что делать дальше. И «на корабле» у нее полный порядок, она ведет его твердой рукой, а я постараюсь всему у нее научиться.

В доме имеется весьма просторная кухня с плитой, холодной кладовой и, по-моему, практически со всем необходимым (хотя это еще нужно проверить). Кладовая неплохо оборудована. Я заметила, что там большой запас муки и не

СИРОТСКИЙ ДОМ

слишком много банок с консервами. Мне кажется, сестра Юнис печет сама.

У меня удобная и достаточно просторная комната на втором этаже. Обстановка самая простая, но есть все, что нужно. Рядом ванная комната, которую, предположительно, мне придется делить с сестрой Юнис. Там очень чисто.

Гостиной внизу, похоже, почти не пользуются, поскольку стулья и кресла накрыты пластиковыми чехлами. Впрочем, пыли я не заметила. Тот, кто занимается здесь уборкой — кто бы это ни был, — прямо-таки мастер своего дела. Здесь фантастически чисто! Я очень обрадовалась, увидев в гостиной радиоприемник.

В доме имеются две большие спальни, одна на втором этаже, вторая на первом, и в каждой по четыре кровати. Неужели здесь сейчас восемь детей? (Это надо проверить). Ванная комната для детей находится на первом этаже; там темно, сыро, а запах просто невообразимый. Там же два туалета; в туалете для мальчиков на полу огромные лужи (Возможно, протечки? Проверить.), а в туалете для девочек все вроде бы в порядке.

В ванной комнате четыре раковины и четыре душевые кабинки. Неплохо! Все туалетные принадлежности пронумерованы. Не знаю, почему на них не написали просто имена или фамилии. Под туалетными принадлежностями я подразумеваю: кружку, зубную щетку, фланелевую салфетку для мытья, полотенце и расческу. Все это, конечно, знавало лучшие времена. Имеется зеркало, хотя и с трещиной. Пожалуй, стоит поговорить с сестрой Юнис о его замене.

На улице тоже есть уборная; там по всему полу разбросаны квадратики газетной бумаги, и, похоже, пользуются этой уборной разве что пауки.

Интересно, можно ли будет переоборудовать некоторые помещения в доме, чтобы у старших детей было какое-то личное пространство? А еще хорошо бы устроить игровую зону. Тот сарай в саду, например, отлично подойдет для игр.